

АНАСТАСИЯ
ГРАДЦЕВА

Мой
**СЛУЧАЙНЫЙ
МУЖ**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анастасия Градцева

Мой случайный муж

«Автор»

2025

Градцева А.

Мой случайный муж / А. Градцева — «Автор», 2025

— Простите, а никто случайно не хочет на мне жениться? — громко спрашиваю я в ЗАГСе. Меня ждал договорной брак, чтобы объединить капиталы двух семей, но жених сбежал с моей младшей сестрой. И теперь родители заставляют меня выйти замуж за его отца, а я не хочу! Он же старый! Лучше уж стать женой первого встречного. Ну и что, что это какой-то странный бородатый мужик, похожий на лесоруба. Это же формальность. Но оказывается, моего случайного мужа вовсе не устраивает, что наш брак будет фиктивным. От автора: Героиня этой истории - сестра Нюты из книги "Жених моей сестры" Но книга читается самостоятельно

© Градцева А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	10
Глава 3.	14
Глава 4.	18
Глава 5.	22
Глава 6.	27
Глава 7.	32
Глава 8.	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Анастасия Градцева

Мой случайный муж

Глава 1.

– Я не поеду в ЗАГС, мама, он отменил свадьбу. Ты не слышала что ли?

– Мог передумать. Мужики они такие. Сначала психанул, потом вернулся. Так что давай, Леля, съезди. Вдруг Ярослав тоже придет. Распишетесь тогда по-быстрому, и все.

– Мам, ты издеваешься? – тускло спрашиваю я. – Он что, мало меня унизил перед всей семьей? Теперь я еще должна стоять там и ждать его?

– Если замуж за него хочешь, постоишь. Ничего страшного.

– Яр все равно не придет.

– А вдруг! – продолжает гнуть свою линию мама. – Давай езжай, от тебя не убудет.

– Но я не хочу... – шепчу я.

Я вообще ничего не хочу.

Мой жених – красивый, умный, идеально мне подходящий, сын владельца крупнейшей в нашей стране корпорации – бросил меня. Ради моей младшей сестры.

Сказал, что никогда меня не любил, а ее – полюбил.

Наплевал ради нее на наследство, поссорился с отцом и, наверное, улетел к ней в Лондон. Именно туда моя сумасшедшая сестрица укатила учиться на художника, после того, как я застучала этих двоих и пригрозила рассказать все родителям.

Он не должен был выбрать ее! Не должен!

Но выбрал.

Из нас двоих я всегда была самая умная, самая красивая, самая перспективная. Это у меня ожидалась самая шикарная на свете свадьба.

И это я сижу и рыдаю третий день так сильно, что у меня опухли глаза и никакие дорогие кремы уже не помогают.

– Я не хочу, – снова выдыхаю я и умоляюще смотрю на маму.

Но она поджимает губы.

– Надо, Леля. Ты наша единственная дочь.

– Ты что? Мам, а Нюта...

– Даже слышать про нее не хочу! – яростно перебивает меня мама, и я впервые вижу ее в таком состоянии. – Забудь. Считай, что у тебя больше нет сестры, а у нас дочери.

Я зла на Нюту. Очень зла.

Но от маминых слов у меня мороз по коже.

А от того, что она говорит дальше – меня начинает натурально тошнить.

– Если Ярослав не одумается, выйдешь замуж за его отца.

– Вы с папой мне уже это предлагали, и я сказала, что нет. Я не согласна.

– Зато он согласен.

– Мам, он старый.

– Какая разница! – чеканит она. – О вашей свадьбе с Горчаковым уже все знают, туда приглашены серьезные люди. И если вместо одного Горчакова будет другой – это не страшно. А вот если станет известно, что свадьба отменилась и тебя бросили... – Мама делает угрожающую паузу. – То этот позор ляжет на всю нашу семью! Ты же этого не допустишь, Леля, правда? На тебя вся надежда.

На тебя вся надежда...

Боже, как же я устала от этих слов. Я слышу их всю свою жизнь.

От Нюты родители никогда ничего не требовали, сразу решили, что она бесполезная, и моя младшая сестра жила себе припеваючи. Целыми днями рисовала, забившись в свою комнату, одевалась, как хотела, и ничего другого не делала.

А я...

Я делала то, что должна. Жила ради семьи.

Потому что кто еще, если не я?

Я отучилась за границей и получила степень МБА. Не потому, что хотела. А потому что я умная, а сестра не потянет.

Я помогала маме в организации всех мероприятий и каждую неделю выходила в свет, улыбаясь папиным деловым партнерам и развлекая беседой их жен. Не потому, что мне это нравилось, а потому что я общительная, а сестра нет.

И замуж по расчету тоже должна была выйти именно я, объединив капиталы двух семей.

Нюте это даже не предлагали.

Но мой жених все равно в итоге выбрал ее.

А теперь мне надо стать женой отца Ярослава? Ему же лет шестьдесят, не меньше! У него волосы в носу и седая голова, и несмотря на дорогой парфюм, пахнет от него стариком.

– Мам, я не хочу, – шепчу я, и к глазам опять подкатывают слезы. – Пожалуйста, не заставляй меня!

– Леля, у нас нет выбора, – говорит мама и трет пальцами свой идеальный лоб без морщин. Ботокс она делает каждые полгода. – Или ты уговариваешь Ярослава, чтобы он на тебе все-таки женился, или выходишь замуж за его отца. Другого варианта нет.

Я с усилием дышу, пытаюсь не разреветься.

– Так что все-таки съезди завтра в ЗАГС, – добавляет мама светским тоном. – Во сколько у вас планировалась роспись? В десять?

Я молча киваю. Горло перехватывает от спазмов.

Да, завтра мы должны были просто расписаться в присутствии самых близких, а еще через два дня устроить шикарную церемонию в одном из самых красивых залов Москвы.

Но теперь этого ничего не будет.

Яр не вернется, я уверена в этом.

– Я не поеду, – тихо говорю я.

– Поедешь, – с ласковой улыбкой говорит мама, и меня передергивает от ее взгляда. – Конечно, поедешь.

И вот я тут. В ЗАГСе.

Стою в коридоре у дверей зала для торжественной регистрации и нервно сжимаю в руках сумочку.

Напротив меня огромное зеркало, в которое я стараюсь не смотреть – потому что там отражается какое-то чучело, не имеющее со мной ничего общего. Бледное опухшее лицо, растрепанные светлые волосы, которые я сегодня толком не уложила. И даже элегантный брючный костюм не спасает ситуацию, его белый цвет сейчас позорит меня еще больше.

Стою тут в белом – без жениха.

И без малейшей надежды, что он придет.

Двери зала распахиваются, и оттуда выходят веселой толпой гости. В дорогих костюмах, шикарных платьях, смеются, осыпают невесту с женихом лепестками роз, а рядом суетятся фотограф и видеограф. Я отступаю в сторону, чтобы не мешать, но натываюсь на девушку с подносом, уставленным бокалами шампанского.

– Возьмите, пожалуйста, – вежливо говорит она.

Наверное, думает, что я тут гостья.

Почему-то от этого становится так смешно, что я беру чужое шампанское и выпиваю этот несчастный бокал залпом. Язык щиплет от пузырьков, а в желудке сразу становится горячо.

Регистраторша стоит у дверей зала и оглядывается.

Ищет следующую пару.

– Горчаков и Левинская! – наконец объявляет она, продолжая растерянно шарить взглядом по толпе. – Горчаков и Левинская, торжественная регистрация, есть здесь такие?

– Левинская здесь! – машинально говорю я и зачем-то, как в школе, поднимаю руку. – А Горчакова нет.

Внутри щекочет адреналин напололам с шампанским. А перед глазами старое лицо, морщины и залысины моего будущего мужа.

Родители выдадут меня за него, даже если я буду против. Я слишком хорошо их знаю. Если надо, свяжут и притащат на свадьбу.

Но если я уже буду замужем...

– Простите, а никто случайно не хочет на мне жениться? – громко спрашиваю я и обвожу взглядом притихших гостей с чужой свадьбы. – Мой жених не пришел, и место вакантно. Кто-то согласен быть вместо него? Я могу заплатить!

Никто, конечно же, не отвечает.

Истерично смеюсь.

Черт, это все так идиотски, так глупо, так унижительно...

Дрожащими пальцами пытаюсь открыть сумочку, из которой я уже успела вытащить свой паспорт. Даже не помню когда.

Кажется, не стоило пить шампанское на голодный желудок.

– Я согласен, – внезапно раздается за спиной низкий мужской голос.

Я вздрагиваю и в панике оборачиваюсь. Мне приходится поднять голову, чтобы посмотреть в лицо этому типу.

Он... он выглядит ужасно. Огромный, мощный, шея как у быка, все лицо заросло бородой и только темные глаза пугающе смотрят из-под густых бровей. И одет он безвкусно и ни к месту: в джинсах и какой-то спортивной толстовке.

Как будто из лесу вышел и, не переодевшись, не побрившись, ломанулся в ЗАГС.

Но какая мне разница, правда?

– Вы серьезно? – строго спрашиваю я.

– А вы? – интересуется он.

– Я – да!

– Тогда и я тоже.

– Горчаков и Левинская! – повышает голос регистратор. – Вы идете? Паспорта ваши давайте. Вообще-то их надо было заранее отдать. И где...

– Спокойно, – вдруг очень властно перебивает ее этот мужик. – У нас небольшая накладка, перепутали фамилию жениха. Но мы все компенсируем.

Он подходит ближе к ней, достает из заднего кармана джинс несколько смятых купюр, а я отворачиваюсь, потому что смотреть на это невозможно. Испанский стыд какой-то.

– Идем, я все решил, – зовет он меня через некоторое время. И с ухмылкой добавляет: – Любимая.

– Ерунды не говорите, – шиплю я. – У вас паспорт хотя бы с собой есть?

– Есть.

– Тогда давайте скорее.

Мы отдаем паспорта, а потом проходим в зал, украшенный цветами и лепниной. Две скрипачки тут же начинают играть марш Мендельсона, а я, сжав зубы, почти бегу к тумбе, за которой готовится вещать та самая регистраторша.

– Без речей, – быстро говорю я. – Мы просто распишемся.

– Но у вас оплачена торжественная регистрация, – напористо возражает она. – Деньги не возвращаются.

– И не надо! Просто нас распишите.

– Не суетись, – вдруг веско говорит мужик и берет меня за руку. Я от неожиданности даже не сразу выдергиваю ладонь. – Там все равно надо время, чтобы штампы проставить и бумаги заполнить. Стой и слушай.

– Пиздец, – тихо бормочу я себе под нос, хотя вообще-то не матерюсь. Но тут никак не удержаться.

Мы с моим будущим мужем стоим и слушаем про две судьбы, которые, как ручейки, слились в одну полноводную реку. И про то, что трудности семейной жизни надо преодолевать вместе, и тогда никакие преграды не страшны.

От жуткого пафоса сводит зубы.

– Перед тем как официально заключить ваш брак, я хотела бы услышать, является ли ваше желание свободным, искренним и взаимным, с открытым ли сердцем, по доброй ли воле вы заключаете брак? Прошу ответить вас, невеста.

– Да, – цежу я.

Куда уж добровольнее.

– Прошу ответить вас, жених.

– Да, – довольно равнодушно говорит он.

– В соответствии с Семейным кодексом Российской Федерации ваше взаимное согласие дает мне право зарегистрировать брак, – торжественно сообщает она. – Прошу скрепить подписями ваше желание стать супругами.

Я расписываюсь, потом расписывается он.

– Можете поцеловать невесту! – провозглашает регистратор.

– Не может, – мрачно говорю я. – Дайте мне свидетельство.

– Вынесу через несколько минут, – сухо сообщает она. Кажется, до нее наконец дошло, что у нас тут ни разу не праздник. – Ждите в коридоре. Поздравляю.

– Спасибо, – хмыкает мужик.

Я не отвечаю ничего.

Нам возвращают паспорта.

Мы выходим в коридор, где уже толпятся новые гости. От шума начинает болеть голова.

– Спасибо. Развестись можно будет онлайн, – деловито говорю я своему случайному мужу. – Я через месяц подам заявление. Сколько я вам должна?

– Нисколько.

– Я же сказала, что заплачу, – упрямо вздергиваю я подбородок и сталкиваюсь с холодным прищуром темных глаз.

– Твои слова – твои проблемы, – пожимает он плечами. – Я не говорил, что мне нужны деньги.

– Тогда зачем вы согласились?!

– Ты попросила.

Господи, бред какой.

– Мы не переходили на «ты», – устало огрызаюсь я. – Не хотите денег, не надо. Но свидетельство я в любом случае заберу себе.

– Эй, Рейн! – вдруг кричит чей-то мужской голос. – Мы поехали уже. Ты что тут?

– Сейчас, – отзывается мужик и переводит на меня серьезный взгляд. – Телефон мой запиши.

– Не собираюсь. Я вам повторяю: это просто формальность, я через месяц подам заявление на развод. И я готова оплатить все ваши неудобства...

Мужик поворачивается, берет со столика ручку, затем легко перехватывает мою ладонь и под мое злобное шипение пишет свой номер телефона.

Прямо на моей руке.

Чуть выше запястья.

– Что вы себе позволяете?! – вскрикиваю я.

– Обычно довольно многое, – задумчиво сообщает мужик и... уходит.

Вот просто берет и уходит.

А я остаюсь стоять.

Через пару минут мне выносят свидетельство, где черным по белому написано, что Елена Левинская и Глеб Васнецов заключили брак.

Прекрасно.

Ну хоть имя своего мужа теперь знаю.

Снова бросаю взгляд на свидетельство и читаю дальше:

«После заключения брака присвоены фамилии: жене – Васнецова».

Стоп, а я что, свою фамилию на его поменяла?!

Черт!

Ладно. Когда разведусь, верну все обратно.

А пока надо ехать домой и обрадовать родителей тем, что замуж я послезавтра не выйду.

Потому что уже замужем.

За левым мужиком, которого я, к счастью, никогда в жизни больше не увижу.

Глава 2.

Маму я нахожу в столовой. Она пьет свой капучино из фарфоровой чашки и листает журнал.

Телефоны у нас за столом всегда были запрещены, потому что родители считали, что это очень по-плебейски.

Именно поэтому я ужасно любила выбраться на кофе куда-нибудь в город. Одна! И там, без всякого надзора, могла сидеть с телефоном хоть целый час. Смотреть всякие видео про макияж, изучать тренды в одежде и просто читать всякие светские сплетни.

А родителям я говорила, что еду по делам.

И они верили.

Все же тот день, когда мне купили машину, был одним из лучших дней в моей жизни, потому что у меня наконец-то появилась свобода. Хоть какая-то.

Я ждала свободы и от своего будущего брака, потому что Яр был нормальным. Не собирався меня бить или запираť дома, не ограничивал меня, был красивым, и в постели с ним было приемлемо. Да, приходилось изображать жаркие страсти, но так же все делают.

Всем мужчинам это нужно, поэтому ничего в этом такого нет.

Зато я бы стала сама себе хозяйкой.

А теперь...

А теперь пришлось идти на крайние меры.

– Ярослав не приехал, – утвердительно говорит мама, подняв на меня аккуратные подведенные глаза.

– Не приехал, – соглашаюсь я и крепко сжимаю ремень сумочки.

– Ожидаемо.

– К сожалению.

– Ты ему звонила?

– Нет.

Я не вижу смысла врать.

Яру я бы не стала звонить, это слишком унижительно. Зато я позвонила Нюте... в тот же день, когда он меня бросил. Наорала на нее, разревелась и в итоге бросила трубку, чтобы совсем не позориться.

Как же я ей завидую, господи... Сидит себе сейчас в своем Лондоне и делает, что хочет! Еще и этот козлина Яр к ней наверняка приехал...

Ну почему ей все, а мне ничего?!

– Что ж, – мама вздыхает, – значит, выйдешь за Горчакова-старшего. Не уверена, что у вас получится с наследниками, но попробовать точно можно. Мужчины до шестидесяти еще способны к зачатию. Ярослава он из наследства вычеркнул, значит, после его смерти все достанется или вашему ребенку, или тебе. Да, придется потерпеть, Леля, не спорю, но плюсов гораздо больше, так?

– Мама... – я нервно сглатываю, потому что в горле стоит огромный ком. – Мам, почему?! Вы же говорили с папой, что замуж надо выходить по любви. И вы так радовались, что мы с Яром были влюблены... ну мне так казалось... А теперь хотите, чтобы я...

– Леля, все сложно. – Мама сдвигает брови, но ее лоб остается неестественно гладким. – Хорошо, когда по любви, да, но любить надо подходящих, понимаешь? Ярослав был подходящим. И наш договор устраивал обе стороны. Мы с твоим папой очень рассчитывали, что наш завод перейдет в собственность Горчаковых, а мы взамен получим акции НДК и денежную компенсацию. С заводом есть трудности, сама знаешь, и ваш брак мог их решить.

– А я? – тихо спрашиваю я. – Мам, меня тебе не жалко?

– Леля, что за бред? – раздраженно спрашивает она. – Я тебя не узнаю. Где моя дочь, которая всегда держит голову высоко поднятой? Где твое достоинство? Что ты разнылась? Ты Левинская или нет?

Я смотрю на размазанный контур двойки, торчащей из-под рукава кардигана. Я так и не смогла до конца отмыть номер телефона, который этот мужлан написал прямо на мне.

Левинская я и или нет, спросила мама?

Меня вдруг разбирает неуместный глупый смех.

– Нет, мам. Я уже не Левинская.

– Ну пока еще Левинская, – слышу я голос папы. – Не торопи события, дочь. – Он доходит до стола и обращается к маме: – Так что, милая, я звоню Сергею Романовичу? Он уже утром со мной созванивался, я предварительно согласился, но детали свадьбы мы еще не уточняли.

– Можешь сказать ему, что все отменяется, – весело говорю я, не давая маме ответить. – Я не выйду за него замуж. Я уже замужем.

– Что-о-о? – У папы глупо приоткрывается рот.

– Что за чушь, Леля?! – резко спрашивает мама.

Я достаю из сумочки сложенное вдвое свидетельство о бракосочетании, разворачиваю его и кладу на стол перед родителями.

– Глеб Васнецов? – срывается на визг мама, прочитав то, что там написано. – Кто это вообще такой?!

– Понятия не имею, – с вызовом отвечаю я. – Просто вышла за того, кто первый согласился. Я же сказала, что не собираюсь быть женой старика, а вы мне не верили.

– Леля... – медленно говорит папа, и в его голосе звучат угрожающие стальные ноты. – Леля, скажи, что это просто глупая шутка.

– Это не шутка, папа.

– Не могу поверить... – шепчет мама, глядя на меня с ужасом. – Не могу поверить, что ты так с нами поступила. После всего, что натворила твоя младшая сестра! После всего, что нам пришлось пережить!

– Вам?! – я опять истерично смеюсь. – Вам пережить? Как будто это вас бросили перед свадьбой!

Папа тяжело оседает на стул, прижимая руку к груди.

– И что нам теперь делать? – хрипло спрашивает он у мамы.

Я напряженно жду ответа.

Я знаю, что мой поступок не останется безнаказанным. Иначе и быть не может.

Но я готова принять последствия.

Я готова к тому, что у меня отберут машину. Лишат денег. Поездок. Нагрузят работой. Или вообще запрут дома.

Я переживу.

Лишь бы не идти замуж за Горчакова-старшего.

Но все оказывается гораздо хуже, чем в моих представлениях, потому что мама резко встает из-за стола и вскидывает руку в сторону двери.

– Вон! – четко говорит она. – Вон из нашего дома, неблагодарная!

После маминых слов наступает полная тишина.

– Но милая... – растерянно бормочет папа.

– Пусть ее муж теперь обеспечивает, – перебивает его мама. – А то она, видите ли, условия нам решила диктовать. Вместо того, чтобы о семье подумать.

– Я всегда делала так, как было лучше для семьи, – сквозь зубы говорю я. – Но всему есть пределы, мама. Я взрослый человек, а у нас не средние века, чтобы меня насильно замуж выдавать.

– Раз ты взрослый человек, значит, мы не обязаны тебя обеспечивать, – вступает папа. – Сдавай ключи от машины, ключи от дома, и можешь быть свободна. Тебя никто не держит.

На мгновение мне становится страшно.

Они серьезно?!

Серьезно выгоняют меня из дома? Меня?! Любимую дочь?

– Разведешься – приходи, – добивает мама. – Подумаем.

– Но развод только через месяц можно оформить... – растерянно бормочу я.

– Вот через месяц и приходи.

Секунду я смотрю на родителей, ища в их лицах подтверждение тому, что это просто воспитательные меры. Что они сейчас махнут рукой, как было, когда я разбила бампер у машины. Типа поругали и хватит.

Но они продолжают смотреть враждебно, и мои нервы не выдерживают.

– Да пошли вы, – зло бросаю я. – Вещи мне хоть взять можно?

– Вещи – можно. Наличные – нет, – холодно сообщает мама.

Ну и пожалуйста.

У меня на счету и так достаточно денег. И загранпаспорт есть с визами.

Плевала я на их родительское благословение. Да, машину жаль, но такси тоже вариант для передвижения.

Мама поднимается вместе со мной в спальню и, стоя в дверях со скрещенными руками, наблюдает за процессом сбора вещей, делая это еще унижительнее.

От злости я не могу нормально соображать и хватаю все, что попадает под руку. Ярkobирюзовый чемодан, с которым я совсем недавно прилетела из Милана, очень быстро наполняется доверху. Я бросаю туда косметичку и, придавив вещи коленом, с трудом застегиваю молнию.

– Я очень в тебе разочарована, Леля, – изрекает мама. – Очень. Ладно, Нюта, от нее мы никогда многого не ждали, но ты! Мы столько в тебя вложили!

Я хочу ответить ей что-нибудь язвительное, но с ужасом понимаю, что если открою рот, то расплачусь. Поэтому просто хватаю чемодан и с трудом волоку его вниз.

– Позвони, когда одумаешься, – летит мне в спину голос папы, когда я закрываю за собой входную дверь.

– Ага, из Майами позвоню, – бормочу я себе под нос. – Или из Ниццы.

Я выхожу за ворота, калитка захлопывается, я достаю телефон, чтобы вызвать такси, и вдруг понимаю, что не знаю, куда ехать.

Ладно, поеду в центр Москвы, там много отелей, где-нибудь найдется для меня свободный номер.

Я скачиваю приложение такси, вбиваю наш адрес, выбираю бизнес-тариф и нажимаю «оплатить». И тут вдруг вылезает «операция отменена». В смысле отменена?

Я пробую еще и еще раз, а потом догадываюсь открыть приложение банка. И там...

О господи...

Я растерянно смотрю на экран, где написано, что мой счет заблокирован! Заблокирован, черт возьми.

Как же я сейчас жалею, что не завела себе отдельный! Ведь так было удобно иметь счет, подключенный к семейному без всяких лимитов. Любая сумка, любой ресторан, самые дорогие услуги от косметолога... Все было мне доступно.

А сейчас мне даже за такси нечем заплатить!

Так.

Подруги.

Мне могут помочь подруги!

Когда мы с ними отдыхали в Милане на моем девичнике, я за все платила. Теперь их очередь.

Я звоню Еве, своей самой близкой подруге. Она сначала радостно щебечет в трубку, но, узнав, в чем дело, сразу же меняется.

– Лелечка, никак не могу помочь! Прости, дорогая, но дома папа, а он чужих вообще не разрешает приводить.

– А в Милан за чужой счет разрешает ездить? – не выдерживаю я. – Двойные стандарты у твоего папы, Ев.

– Я слышу, что ты не в ресурсе, – скорбно говорит Ева. – Давай поговорим позже.

И бросает трубку.

Я звоню другим девочкам, но ситуация повторяется. Ни Соня, ни Катя, ни Доминика не могут мне помочь, и у всех очень уважительные причины.

А Вика просто не берет трубку.

Подозреваю, ей уже написали, что со мной пока лучше не общаться.

Я истерично смеюсь, стоя в двух шагах от ворот своего дома, из которого меня выгнали.

И что мне делать? Нюте звонить? Яру?

Да лучше сдохнуть прямо сейчас.

Внезапно на съезд, ведущий к нашему дому, выворачивает машина. Грязная белая Нива.

Не мерс, не бмв, не ауди и не мустанг.

Нива!

Откуда она тут?

Тракторист какой-то заблудился или что?

Но машина тормозит прямо около меня, разворачивается, тонированное стекло со стороны водителя опускается, и я вижу того, кого планировала никогда в жизни больше не видеть.

Темная борода, внимательные глаза из-под широких бровей, бычья шея и огромные ладони на руле машины.

– Привет, жена, – с ухмылкой говорит он. – Не опоздал?

Глава 3.

Я в таком шоке, что просто растерянно спрашиваю:

– Куда не опоздал?

– Как это куда? – продолжает скалиться он. – На знакомство с родителями, конечно.

Меня это мгновенно приводит в чувство.

– Ты охренел совсем? Что ты тут делаешь? – шиплю я, подлетая к его машине. От злости даже забываю, что вообще-то не собиралась с ним переходить на «ты». – Ты кто, блин, такой?

– Твой муж вообще-то, – напоминает он. – Не дождался твоего звонка, вот и приехал.

– А адрес ты откуда узнал?! Следил за мной что ли?

– Я видел твой паспорт. Листанул на всякий случай до прописки. Ну и запомнил, там несложно. – Он скользит взглядом по нашему дому, виднеющемуся из-за забора. – А я смотрю, нефиговый такой дворец у тебя, принцесса! Богато живешь.

– Завидуй молча, – огрызаюсь я. – Зачем ты вообще тут?

– Говорю же, с родителями планировал познакомиться, – усмехается он.

– Ты издеваешься?! Или с головой проблемы? У нас фиктивный брак. Фик-тив-ный! Дать тебе словарь, чтобы ты определение этого слова прочитал?

– Грамоте обучен, спасибо, – недобро ухмыляется мужик. – Но что-то не помню, чтобы я на такое соглашался, принцесса. Ты просила на тебе жениться – я женился. Про фиктивность ты ничего не говорила.

– Неважно. В любом случае я уже заявление о разводе подала, – вру я.

– Они его все равно только через месяц рассмотрят, – уверенно говорит он. – Так что пока мы с тобой женаты, принцесса.

– Откуда ты знаешь, что раньше месяца нельзя развестись?

– У людей спросил.

– У каких еще людей? У друзей-алкашей? Или у бабок на лавочке? – ядовито интересуюсь я.

– У адвоката по семейному праву, – невозмутимо парирует он. – А что?

– Ничего, – буркаю я, отворачиваюсь и отхожу в сторону от его машины.

Ноги на каблучках начинают ныть, поэтому я просто толкаю свой чемодан на землю и усаживаюсь прямо на него.

Сижу, смотрю на эту грязную белую ниву, на огромного широкоплечего мужика, который неторопливо выходит из нее, и не понимаю, в какой момент моя жизнь свернула не туда.

– Господи, зачем я вообще это сделала?! – вырывается у меня.

– А реально, зачем? – с любопытством спрашивает меня он, подходя ближе.

– Психанула, – мрачно говорю я. – И теперь жалею.

Где были мои мозги, когда я решила бросить вызов родителям?

Что мне сейчас делать? Ползти к ним и извиняться?

Или попытаться продать часть вещей из чемодана и... и что? Искать работу? А жить пока на что? И где? Под мостом?

– Ты, кстати, почему с багажом, принцесса? Переезжаешь куда-то?

– Прекращай, а? – устало прошу я. – И так хреново. Ты еще тут... Со своими тупыми шуточками.

– Ладно, давай серьезно, – Он вдруг неуловимо меняется, и в его тоне звучит что-то властное и жуткое. – Садись в машину и поехали. Хватит тут сопли на кулак наматывать.

– Никуда я с тобой не поеду! – повышаю я голос. – Еще чего не хватало! Я тебя второй раз в жизни вижу. А вдруг ты меня в лес увезешь и изнасилуешь?!

– Интересная идея, принцесса, – одобрительно кивает мужик. – Но лично я предпочитаю кровать. Там удобнее, и шишки в задницу не впиваются.

– Да пошел ты, – устало огрызаюсь я и обнимаю колени руками.

– Куда же я один пойду? У меня теперь жена есть. Так что только вместе, принцесса.

– Да ты... – начинаю было я, но тут же громко взвизгиваю от неожиданности, потому что в одно мгновение я оказываюсь лежащей на плече этого мужика.

Он поднимает меня так легко и незаметно, как будто я ничего не вешу, придерживает за талию одной рукой, а второй еще и чемодан хватает.

Я это вижу, потому что успеваю повернуть голову.

– Охренел?! А ну поставь меня на место! Поставь, я сказала!

– Да, на место бы тебя не мешало поставить, принцесса, – с мягким смешком бормочет он.

– Отпусти! – Я дергаю ногами, сильно пинаю его коленом, но он отвешивает мне шлепок по заднице, и это меня настолько шокирует, что я замираю.

Это было не больно, но...

Но что он себе позволяет?!

Пребывая в полной растерянности, я даже позволяю себя сгрузить на заднее сиденье Нивы, и только там, когда машина уже трогается с места, прихожу в себя.

– Отпусти меня! – визжу я так громко, как только могу. – Быстро отпустил, скотина!

Мы почти выехали на трассу, но он резко тормозит машину перед самым поворотом.

И оборачивается ко мне.

– Так, принцесса, стоп истерика, – приказывает он.

И я почему-то действительно замолкаю.

– Ответь мне честно на один вопрос, – продолжает этот мужик уверенным и властным тоном, – а потом, если хочешь, вали отсюда на все четыре стороны.

– Ну и какой вопрос?

– Тебе сейчас есть куда идти?

Взгляд темных глаз неожиданно серьезен и пробирает меня до мурашек.

Я нервно сглатываю.

– Нет, – зачем-то шепотом признаюсь я.

– Ну и все. Значит, поехали.

– Куда?

– Ко мне.

Я нервно смеюсь.

Что ж, меня же родители отправляли жить к мужу.

И вот, пожалуйста! Все, как они хотели!

– А поехали! – с каким-то истеричным весельем соглашаюсь я.

– Как скажешь, принцесса, – хмыкает он, газует, и мы выезжаем на трассу.

Причем педаль он сразу втапливает так сильно, что меня отбрасывает назад.

– Поаккуратнее можно! – возмущаюсь я, едва не приложившись затылком. – Тут вообще-то я сижу, если ты не забыл.

– Про тебя забудешь... – бормочет он.

– Что?

– Ничего. Говорю, ехать далеко.

– Ну и ладно, я не тороплюсь, – снисходительно сообщаю я, и вдруг у меня в кармане начинает звонить телефон.

Я замираю.

Кто это?

Кто-то из девчонок? Они передумали, они хотят мне помочь? О боже, хоть бы!

Как бы это все упростило!

Я быстро вытаскиваю телефон из кармана и... это мама.

У меня нет ни одной идеи, зачем она сейчас звонит, но я, поколебавшись, принимаю вызов.

– Ну что, успела хорошенько подумать? – спокойно и почти безмятежно спрашивает мама.

– Успела, – говорю я, глянув на короткостриженный затылок и мощную шею мужика, за которого сегодня вышла замуж. – Как только увидела, что вы мне счет заблокировали, так сразу и начала думать.

– Я знала, что ты у меня умная девочка, – ласково говорит мама. – Возвращайся, Леля, вряд ли ты далеко ушла, правда? Мы с папой сделаем вид, что ничего не было.

– Не было? – вырывается у меня нервный смех.

– Именно. Ты, конечно, поступила очень инфантильно, но все еще можно исправить. Мы подумали, что свадьбу сыграем сейчас, как и планировали, а распишетесь через месяц. Никто об этом даже не узнает.

– Мам...

– Сергей Романович, конечно, будет недоволен, но они нам тоже свинью подложили, если уж называть вещи своими именами, поэтому ему придется смириться. Тем более что...

– Мама! – повышаю я голос, и только тогда она наконец замолкает. – Послушай меня! Я не собираюсь выходить за него замуж. И возвращаться я тоже не буду.

– Тогда я сейчас выйду и сама тебя верну! – железным голосом сообщает мама.

– Не вернешь, – с мстительным удовлетворением говорю я. – Я уже уехала.

– Не ври мне, Леля! У тебя нет денег! Ты бы даже такси не смогла вызвать!

– А я натурой расплатилась, – выпаливаю я, и вдруг слышу приглушенное фырканье с переднего сиденья.

– Что-о-о?! – хрипит мама. – Что ты сказала?

Мне кажется, ее сейчас удар хватит.

Господи, как же приятно! Кажется, мне в жизни так хорошо не было!

Я по-дурацки хихикаю и сбрасываю вызов.

– Значит, натурой? – хмыкает мужик. – Интересно.

Черт, он же тоже слышал!

– Еще чего, – отрезаю я, моментально напрягаясь. – Это была шутка. Только попробуй, понятно тебе?

– Не переоценивай себя, принцесса, – холодно замечает он. – Считаешь, все мужики спят и видят, как бы тебя такую красивую завалить?

Ну да.

А разве нет?

Я независимо фыркаю и уже собираюсь ответить что-нибудь язвительное, как телефон снова звонит.

На этот раз это папа.

Ничего себе. Ладно, послушаем его.

– Да, пап, – вежливо говорю я. – Ты что-то хотел?

– Мы посмотрели камеры, – жестко сообщает папа. – И видели, как ты села в машину. Не знаю, кто за рулем, но уже сегодня я передам данные на этого водителя в полицию.

– В полицию? Что за бред. Это мой муж, пап. Вы же сами меня к нему отправляли! Вот я и уехала.

– Немедленно. Вернись, – чеканит папа. – Ты же понимаешь, что...

– Нет, не понимаю! И не вернусь!

– Мы найдем тебя по номерам машины, – холодно обещает папа, и у меня мороз идет по коже.

И почему-то я в панике смотрю на того, кто сейчас хладнокровно сидит за рулем с таким видом, как будто все происходящее тут ему совершенно не интересно.

– Они нас найдут по номерам! – в ужасе шепчу я ему.

– Расслабься, принцесса, они у меня грязью залеплены, – невозмутимо отвечает он.

– Не найдешь! – с нескрываемым торжеством выпаливаю я в трубку. – У машины номеров не видно.

– Есть и другие варианты, – говорит папа. – И мы...

«Телефон!» – вспыхивает в моей голове.

Точно. Там же стоит специальное приложение, чтобы отслеживать мое местонахождение. Оно у всей семьи есть, потому что у нашего папы пунктик насчет похищений.

И в этот момент я не придумываю ничего умнее, чем открыть окно машины и вышвырнуть туда свой мобильный, где еще продолжает что-то вещать папа.

Глава 4.

- Охренеть, – коротко оценивает мои действия мужик.
- Что?
- А ты умеешь удивлять, принцесса. И часто ты так телефонами швыряешься?
- Первый раз, – бормочу я.
- Эмоции схлынули, и до меня вдруг начинает доходить, что я натворила.
- Я выкинула, блин, свой телефон!
- А там симка, там все контакты, там мой банковский счет, хоть и заблокированный...
- Я теперь вообще никому не смогу позвонить!
- От приступа паники перехватывает горло, но я с силой сжимаю кулаки и пытаюсь себя успокоить.
- Зато меня не найдут родители.
- Зато я их победила.
- Да, мне теперь никому не позвонить, но, может, это не так страшно.
- Вот я звонила своим подругам, и что? Помог мне кто-нибудь из них?
- Нет.
- Ну и все. Значит, нечего переживать.
- Хуже все равно уже не будет.
- Наверное.
- Ехать еще час, – информирует меня мужик.
- Окей, – вздыхаю я.
- Окидываю взглядом салон машины, где мне придется провести еще какое-то время.
- Да уж... Это, конечно, совсем не то, к чему я привыкла.
- Сиденья старые, вытертые, панели не новые, пожелтевшие от времени, на ковриках какая-то земля насыпалась, а еще...
- Фу, боже мой! – вскрикиваю я. – Это что?! Собачья шерсть?!
- Я с ужасом пытаюсь смахнуть со своих светлых брюк темные длинные шерстинки, а они никак не хотят убираться. Вцепились в ткань как приклеенные.
- Скорее всего собачья, – невозмутимо сообщает мужик
- Откуда она здесь?!
- Ты удивишься, принцесса, но от собаки.
- Я от возмущения аж закашливаюсь.
- Ты возишь тут собак?! А потом садишь сюда меня? Ты нормальный вообще?
- А что не так?
- Это мерзко!
- Мерзко по отношению к тебе? Или собаке?
- Ты охренел?!
- В следующий раз если будет выбор между тобой и собакой, возьму собаку, – вздыхает он. – Она хотя бы не орет мне под ухо. И не закатывает скандал, когда я еду сто сорок по трассе.
- Сто сорок? Эта развалина? Пф, да ты... – И тут я замолкаю, потому что вижу спидометр, и там реально такая скорость.
- Это заставляет задуматься.
- Или я недооценивала отечественный автопром.
- Или мы сейчас едем на пределе возможностей этой развалюхи и скоро нам конец.
- По крайней мере, я умру свободным человеком, – бормочу я себе под нос.
- Что?
- Ничего.

Мужик хмыкает и жмет на педаль газа. Стрелка стремится к ста пятидесяти, и я на всякий случай зажимаюсь. Сажу так какое-то время, а потом чувствую, что скорость снижается.

Открываю глаза и вижу: мы притормозили у поворота к заправке.

– Надо заправиться? – спрашиваю я.

– Нет. Отлить, – бросает он.

– Что отлить? – не понимаю я сначала. – Бензин?

Он ржет.

– Принцесса! Мне отлить надо. В сортир зайти. Так яснее?

Меня аж передергивает.

Какой же он неотесанный, это просто кошмар.

– Тебе не надо? – интересуется он.

– Нет, – холодно отвечаю я.

– Как знаешь, принцесса. – усмехается мужик. – Но потом по дороге заправок уже не будет. Придется тебе в кусты бегать.

Ответом я его не удостаиваю.

Когда он возвращается, то усаживается обратно на водительское место и протягивает мне что-то в яркой упаковке.

– Хочешь?

– Что это?

– Шоколадка.

Я ее внимательно разглядываю и качаю головой.

– Нет, спасибо. Я такое не ем. И тебе бы не рекомендовала. Тут от настоящего шоколада одно название, к тому же в составе пальмовое масло, глюкозный сироп и куча всяких добавок.

– Мда... – задумчиво тянет он, глядя на меня темными непроницаемыми глазами, и забирает шоколад обратно. – Кстати, я бы советовал тебе сесть вперед.

– Спасибо, обойдусь.

– Сейчас поедem по очень плохой дороге и сзади будет сильно укачивать.

– Меня не укачивает, – отрезаю я. – Когда мы в Дубае с девочками на яхте в Персидском заливе катались, всем было плохо, кроме меня.

– А на Персидском что, на яхтах еще и катаются? – саркастично хмыкает он. – Я думал, там только пафосные фотосессии устраивают.

– Очень смешно, – цежу я и отворачиваюсь к грязному окошку.

Будет он тут, сидя в занюханной ниве, рассказывать мне, как и где надо на яхтах кататься. Ну да, мы с девочками там в основном фоткались. И что? Это запрещено что ли?

– Так что, сядешь вперед? – спрашивает он еще раз.

– Нет.

– Ну как хочешь. Я предупреждал, принцесса.

О своём решении я жалею уже через пятнадцать минут, если не раньше, потому что мы сворачиваем с трассы и теперь сзади трясет так, как будто я на какой-нибудь телеге еду.

Не то чтобы у меня был опыт поездки на телеге, но, наверное, ощущается это примерно похожим образом.

Все внутренности перекручиваются и подскакивают к самому горлу, а мутит так сильно, что я даже говорить не могу. Те редкие мгновения, когда я успеваю посмотреть в окошко, не дают никакой надежды на то, что дальше станет лучше. Потому что то, по чему мы едем, это не дорога. Это кошмар!

Грязь, камни, щебенка, лужи, ямы...

Мне кажется, если бы я попыталась въехать сюда на своей машине, подвеска моей любимой ауди умерла бы уже в первые минуты. А вот колымага мужика хоть и трясётся, но уверенно ползёт по этому ужасу.

Может, чем хуже машина – тем ниже у неё требования к дороге?

– Ты как? – раздаётся голос с переднего сиденья.

И тут я делаю ошибку – открываю рот.

– Я но... – Резко прижимаю ладонь к губам и хриплю: – Останови. Сейчас.

Как ни странно – машина действительно тормозит. Без лишних вопросов со стороны водителя.

Я хлопаю дверью, выскакиваю и стою в грязи, продолжая держать руку возле рта. Осторожно дышу носом, пытаюсь успокоить разбушевавшийся желудок.

Воздух здесь прохладный, свежий и пахнет какими-то елками. От него становится чуть легче.

– Что, не пойдёшь блевать в кусты? – бесцеремонно спрашивает вылезший из машины мужик.

Я могла бы ответить что-нибудь колкое, но на это у меня нет сил. Я просто мотаю головой.

– Ехать надо, принцесса, – говорит он, оглядев меня с головы до ног. – Обратно назад сядешь или всё-таки вперёд, как я сразу предлагал?

Я молча лезу на соседнее сиденье рядом с водителем.

Если он сейчас будет торжествовать или издеваться надо мной, то, честное слово, я просто плюну ему в лицо!

Но, как ни странно, мужик просто кивает, никак не комментируя мое решение. Он садится за руль, и мы едем дальше.

На переднем сиденье действительно трясёт меньше. Но все-таки трясет.

Через некоторое время мне опять становится нехорошо. Я крепко зажмуриваюсь и пытаюсь глубоко дышать. Помогает мало.

– На, – вдруг слышу я и открываю глаза.

Мужик держит руль одной рукой, а вторую протягивает ко мне. На широкой ладони с грубыми, мозолистыми подушечками пальцев лежит блистер с таблетками.

– Что это? – подозрительно спрашиваю я. – Наркотики?

– Обойдётся, – ухмыляется он. – Это от укачивания.

Я колеблюсь, но он нетерпеливо говорит:

– Бери, бери, принцесса. Не выживайся. Ехать еще далеко. А химчисток тут нет – придётся тебе самой салон отмывать в случае аварии.

Это аргумент.

А я умею ценить убедительные аргументы.

Поэтому беру одну таблетку, оглядываюсь в поисках воды, и мужик молча протягивает мне бутылку. Она закрыта, значит, в нее точно ничего лишнего не добавили. Это успокаивает.

Выпиваю лекарство, зажмуриваюсь и жду, когда подействует.

Может, это эффект плацебо, но мне кажется, что легче становится почти сразу.

– Откуда у тебя здесь таблетки от морской болезни? – рассеянно спрашиваю я.

– Я их собаке даю, – лениво отзывается мужик. – Она как ты. Ее тоже в машине укачивает.

– Что?! – подсакиваю я, распахнув глаза. – Я выпила... собачье лекарство?!

– А что в этом такого? – хмыкает он.

– Ты охренел! – визжу я.

Вот скотина. Мне на полном серьезе хочется его убить. Например, задушить шелковым шарфом, который лежит у меня в чемодане. Или воткнуть ему в шею длинную шпильку из косметички.

Стать вдовой в первый же день замужества – что может быть прекраснее?

Я в красках расписываю ему, что бы я с ним сделала в отместку за то, что он подсунил мне лекарство для животных, но моего мерзкого мужа это почему-то не пугает.

Он только весело ухмыляется в бороду.

– Расслабься, принцесса, – говорит он, небрежно выкручивая руль вправо, когда мы заворачиваем на очередной участок бездорожья. – Это нормальные таблетки. Для людей. Но собакам их тоже можно. Так что я их правда даю Джеку, когда его надо в город свозить.

– Сволочь, – бормочу я, понемногу успокаиваясь.

– Зато тебе стало легче, – парирует он. – Потому что ты отвлеклась.

– А вот и нет, – говорю я из вредности, хотя тошнота действительно прошла.

Из-за таблеток или шоковой терапии – непонятно. Но факт есть факт.

Теперь болтание туда-сюда на неровной дороге меня скорее убаюкивает, нервное напряжение понемногу проходит, и я сама не замечаю, как закрываю глаза и проваливаюсь в сон.

Просыпаюсь от того, что меня кто-то трогает за плечо.

– Принцесса... Принцесса, вставай. Приехали.

Я вздрагиваю и не сразу понимаю, где я и кто меня зовет.

Но открываю глаза – и реальность наваливается на меня во всей своей красе.

В виде грубоватого лица, заросшего бородой, и внимательных черных глаз моего мужа.

Ах да, он же привез меня к себе.

Пригород Москвы? Коттеджный поселок? Я что-то не уточнила, где именно он живет.

Я зеваю, смотрю в окно и едва удерживаюсь от вскрика.

Вокруг лес!

Не просто пара березок, а настоящий густой лес, где не видно ничего и никого кроме деревьев.

– Т-ты... – начинаю заикаться я. – Т-ты куда меня п-привез?

А сама лихорадочно думаю, смогу ли я сейчас убежать от него или уже поздно.

– К себе привез, – хмурится мужик. – Ты чего дёргаешься, принцесса? Вон дом. Смотри.

Он почти насильно поворачивает мою голову в другую сторону и я действительно вижу дом.

Сложенный из бревен и стоящий посреди глухого леса.

Что это?! Что это, блин?

– Ты тут живешь?! – потрясенно выдыхаю я.

– Ну да, – усмехается он. – А что не так?

– Пиздец, – бормочу я, с ужасом глядя на это странное жилище. – Знаешь что, я передумала. Вези меня обратно.

Глава 5.

– Не повезу, – мотает головой мужик.
– Это еще почему?! Я не собираюсь тут оставаться!
– Принцесса... – устало говорит он. – Во-первых, я сегодня уже дофига километров намотал. И снова ехать два часа в одну сторону, два часа в другую – нет никакого желания.

– Ты же говорил, что сюда всего час ехать!
– Не говорил.
– Говорил!
– Ну, может, говорил, – пожимает плечами он.

Он мне соврал!

Если бы я знала, что его дом на расстоянии двух часов дороги, то есть примерно сто пятьдесят-двести километров, я бы десять раз подумала, ехать с ним или нет.

С другой стороны... а какой у меня был выбор? Вернуться к родителям и выйти замуж за отца Ярослава?

Я представляю себе первую брачную ночь с шестидесятилетним дедом и меня аж передергивает.

– А во-вторых? – хмуро спрашиваю я.

– Что?

– Ну ты сказал «во-первых», значит, есть еще и «во-вторых»?

– Есть. – Он твердо смотрит на меня и медленно, тяжело роняя каждое слово, проговаривает: – Ты вышла за меня замуж, принцесса, а значит, я за тебя – отвечаю. Как минимум, не могу позволить, чтобы ты ушла бомжевать на вокзал.

– Я не буду бомжевать на вокзале! – возмущаюсь я, уперев руки в боки. – Ты за кого меня вообще принимаешь?!

– Ну хорошо. А куда ты сейчас погрешься, кроме бомжатников? Сама же сказала, что идти тебе некуда.

– Я позвоню подругам! Они мне помогут!

– Ты выкинула телефон в окно, принцесса, – безжалостно напоминает он. – Так что не позвонишь.

Блин...

Точно.

– И что теперь? – Я упрямо вздёргиваю подбородок, чтобы хоть немного прибавить себе роста. Рядом с этим мужиком я себя ощущаю какой-то крошечной. – Брак у нас вообще-то фиктивный, так что на меня ты никаких прав не имеешь, ясно?

– Принцесса, если ты считаешь, что я рад и счастлив, что ты тут со мной оказалась, ты сильно ошибаешься, – хмыкает он. – От тебя столько проблем и шума, что я уже сто раз пожалел. Но бросить я тебя тоже не могу, у меня есть принципы. Так что поживешь пока тут. Потом разберемся.

– А что будет потом?

– Или к родителям обратно свалишь, или, может, работу себе найдёшь.

– Работу? – переспрашиваю я и впервые серьезно над этим задумываюсь.

Может, это и правда выход? У меня есть хорошее образование, диплом МБА, я знаю четыре языка, плюс у меня есть опыт в бизнесе родителей и в организации самых разных мероприятий. Сколько могут за такое платить? И где искать вакансии?

– Хотя где ты, и где работа, – презрительно бросает мужик, не дождавшись моего ответа. – Ладно, пошли в дом.

Он, не спрашивая разрешения, подхватывает одной рукой мой ярко-бирюзовый чемодан, который удивительно неуместно смотрится в этом лесу, и идет вперед.

Мне ничего не остается, как ковылять за ним. Идти нормально тут просто невозможно! Даже мои невысокие каблуки утопают в рыхлой земле, цепляются, и от этого у меня походка как у хромой утки.

Плюс один к унижениям сегодняшнего дня.

Едва мы подходим к высокому забору, как вдруг оттуда раздается низкий, глубокий, рычащий звук, как будто там сидит как минимум тигр. У меня все волоски на теле моментально встают дыбом, а по спине бегут мурашки.

– Там кто-то есть, – бормочу я испуганно. – Или что-то. Мог туда залезть волк, как думаешь?

– Принцесса. – Он смотрит на меня как на дуру. – Я же говорил тебе: у меня собака. Джек. Ну да, шерсть в салоне, таблетки эти...

Я почему-то не сообразила.

– Скажи, что это маленькая собака, – дрожащим голосом прошу я. – Пудель там. Или... Или еще кто-нибудь поменьше.

Я не знаю, какие есть породы, я вообще мало интересуюсь домашними животными. У нас их никогда не было, потому что у папы аллергия. Он поэтому и разводит своих долбанных рыбок, потому что у них нет шерсти.

Вообще я хотела себе в детстве маленького хорошенького щенка, но мама категорически запретила. А потом мы были в гостях у папиного коллеги по бизнесу, я без спроса вышла из дома, и там меня загнала в угол двора огромная собака. Она жутко рычала на меня, а я плакала так, что даже заикаться начала.

Сколько мне было? Лет пять или шесть, наверное, потому что Ньюта уже родилась.

– Скажи, что у тебя там маленькая собака! – в панике повторяю я.

Мужик терпеливо вздыхает, а за забором уже кто-то тяжело дышит и гулко топает.

– Принцесса, сама подумай, зачем мне в лесу маленькая собака? Ее любой хищник сразу пополам перекусит. Ты не бойся: Джек – воспитанный пес. Он без приказа нападать не будет.

– Откуда ты можешь знать, что у него в башке? – истерично вскрикиваю я. – Собаки – это животные! И ведут себя как животные!

– Как животные чаще всего себя ведут люди, – обрубает он. – Именно поэтому я предпочитаю иметь дело с собаками.

Он подходит к калитке и открывает ее. Оттуда выскакивает огромная собака – черная, с крупной мордой. Она бодает лбом колено этого мужика, а потом замирает, глядя на меня в упор.

И от этого взгляда мне реально жутко.

– Я не зайду в д-дом, пока т-там будет эт-то чудовище, – с трудом выговариваю я и делаю шаг назад.

– Хочешь спать в лесу?

Я мотаю головой.

– Ну вот, значит, зайдешь. А теперь давайте знакомиться. Джек, это принцесса. Принцесса, это Джек. Давай, подойди к нему, пусть он тебя обнюхает.

Я стою как вкопанная. Все тело начинает мелко трясти.

– Подойди! – приказным голосом повторяет мужик.

Я мотаю головой.

– Принцесса! – Он явно злится. – Я заебался, я хочу помыться и поесть, а не смотреть на твои капризы. Потом устроишь театр, ладно?

Я не выдерживаю и резко закрываю лицо руками, едва успев спрятать побежавшие по щекам слезы.

– Эй, – голос мужика вдруг звучит удивленно. – Ты там что? Ревешь что ли?

– Нет! – глухо огрызаюсь я.

– Слушай, сказала бы сразу, что так сильно боишься собак. Я откуда знал, что у тебя фобия?

– У меня не фобия! – яростно вскрикиваю я, шмыгаю носом и убираю руки от лица. – Я ничего не боюсь, ясно тебе?

Собака прижимает уши к голове и низко, предупреждающе рычит.

Я вздрагиваю и делаю шаг назад.

– Не боишься? – уточняет мужик.

– Нет! Просто не люблю их. И вообще животных не люблю. И... Скажи, чтобы она ко мне не подходила! – взвизгиваю я, потому что собака чуть подается в мою сторону.

– Это не она, а он. Джек. Называй его по имени.

– То есть меня ты по имени не называешь, а я твою собаку должна?! Офигеть у тебя тут порядки, – бормочу я, пытаюсь отвлечься от самого страшного: от немигающего взгляда этой огромной псины.

Какой нормальный человек заведет себя дома такое чудище?!

С другой стороны, а кто сказал, что мой муж нормальный?

– Так, принцесса, вещь какую-нибудь с себя сними, – вдруг говорит он, и я шокированно замираю.

Даже про собаку забываю на какое-то время.

– Ты охренел совсем? Бесплатный стриптиз захотел? Может, еще и ноги тут перед тобой раздвинуть?

– Твою мать! – тяжело вздыхает он. – Как же с тобой сложно! Вещь свою положи на землю, говорю, а Джек ее обнюхает. Ему в любом случае надо с тобой познакомиться. Не хочешь подходить к нему, давай пока так сделаем.

Ой...

Я его немного неправильно поняла, да?

Мне становится неловко, и по лицу проходит волна жара.

Боже мой, как же ужасно я сейчас, наверное, выгляжу!

Глаза опухли от слез, а сейчас еще и щеки наверняка красные.

У меня аж руки начинают зудеть: так сильно хочется достать косметичку и посмотреться в зеркало.

Но вместо этого я торопливо вытаскиваю из брюк кожаный ремень.

– Подойдет?

– Подойдет, принцесса. Но рано или поздно тебе придется познакомиться с Джеком лично.

– Обойдусь без таких знакомств, – бормочу я, осторожно кладу ремень на землю и отхожу еще на два шага назад.

– Понюхай, – спокойно приказывает мужик своей собаке. – Это принцесса, она своя.

Пес подходит, наклоняет свою огромную жуткую морду и шумно нюхает мой ремень. А потом вдруг хватает его зубами, отбегает в сторону, укладывается и начинает увлеченно его грызть.

– Это мое! – взвизгиваю я. – Ты... ты! Скажи, пусть он отдаст! Это Гуччи вообще-то!

– А это Джек, – парирует мужик. – Он решил, что ты ему игрушку принесла.

– Знаешь, сколько эта игрушка стоит?!

Он тяжело вздыхает.

– Ладно, не психуй. Сейчас заберу.

Я с омерзением смотрю на блестящий от собачьих слюней ремень, на следы зубов на белой коже и мотаю головой.

– Не надо. Будем считать, что я принесла свой любимый ремень в жертву этому чудовищу.
– Это типа как в сказках дракону девственниц отдавали? – хмыкает он.
– Знаешь, девственницу было бы найти проще, чем такой ремень, – со вздохом говорю я. – Это вообще-то лимитированная коллекция. Была...
– Мне бы твои проблемы, принцесса. В дом пойдешь?
– А этот, хм, Джек так и будет тут лежать? – опасливо уточняю я.
– А в чем проблема? Ты же не боишься собак.
– Не боюсь. Просто... не доверяю. Ремень он у меня уже спер, вдруг еще что-то захочет утащить?

Мужик тяжело вздыхает, прямо как его пес, потом подходит ко мне, берет за руку и ведет к калитке. Джек провожает нас взглядом, но остается лежать на месте, с упоением разгрызая мой коллекционный ремень.

Как только мы заходим за забор, я сразу же выдергиваю руку из большой горячей ладони своего мужа и оглядываюсь.

– Это что?!
– Колодец.
– Зачем?
– А воду я откуда брать должен?
– То есть вода... только отсюда? – потрясенно спрашиваю я. У меня это в голове не укладывается. – А если я хочу умыться?
– Ковшиком.
– А целиком помыться?!
– Баня есть. Там за домом.
Так, подождите. Если здесь нет нормального водопровода, то... то как быть с туалетом?!
– Слушай, а как тут с более интимными процессами? – аккуратно интересуюсь я.
– Ты про секс?
– Нет! Тьфу, нет, конечно! Я про... про туалет!
– А. Ну в кусты. Куда еще?
О господи.
Я же не смогу.
– Пошли дом покажу.
– Пойдем, – убитым голосом говорю я.

Он открывает тяжелую дверь, придерживает, пропуская меня вперед, и я осторожно захожу внутрь.

Машинально принохиваюсь, ожидая чего-то неприятного. Может, запаха плесени, гнили или сырости, но ничего такого нет.

Пахнет деревом. И какими-то травами.

На самом деле неплохо.

А еще тут даже не так грязно, как я думала.

– Проходи, чего топчешься? – говорит он. – Обувь не снимай, я только в комнатах разубаюсь.

– А где комнаты?

– Но втором этаже. Тут только кухня и мастерская.

Я прохожу дальше и с любопытством осматриваю кухню.

Мне сложно оценить, есть ли тут все, что нужно, потому что я никогда в жизни не готовила.

У нас дома отличные повара, они этим занимались.

Когда я была маленькой, я бегала к ним на кухню за соком или за пирогом, но мама меня от этого отучила. Сказала, что там я только мешаю, и если мне чего-то хочется, надо просто сказать экономке. И она принесет.

Едва я про это думаю, как мне сразу же невыносимо хочется кофе. Большую кружку капучино с шоколадной крошкой. И два маленьких миндальных пирожных, которые Маша всегда приносила мне вместе с капучино.

– У тебя есть кофе? – спрашиваю я.

– Есть. На верхней полке справа. Будешь делать, мне тоже сделай, а я пока пойду щепок принесу.

– Щепок?!

– Это такие мелкие деревяшки, – снисходительно объясняет он.

– Я знаю! Но зачем?

Он смотрит на меня молча и только усмехается.

– Электричества здесь тоже нет, да? – дрожащим голосом спрашиваю я, а когда он кивает, бессильно опускаюсь на деревянную табуретку.

Мамочки.

Куда. Я. Попала.

Глава 6.

- Я хочу домой, – шепчу я.
- Неудивительно, – он сухо усмехается. – Но сегодня все равно здесь переночуешь. Я на ночь глядя никуда не поеду. А завтра отвезу. К родителям?
- Я обреченно пожимаю плечами.
- Видимо, да.
- А куда еще?
- Вот так и разбиваются представления о том, какая я сильная.
- Я была уверена, что справлюсь, но кто же знал, что я вышла замуж за неандертальца. И что жить он меня привезет прямиком в каменный век.
- А еще говорят, что машины времени не существует!
- Я тяжело вздыхаю, но моему мужу, кажется, глубоко плевать на это.
- Я за щепками, – информирует он меня. – И дров сразу наколю. Для бани. Пойдешь?
- Нет!
- Я отвечаю так резко, что он даже хмурится.
- Я не предлагаю тебе идти со мной. Чего я там не видел? – говорит он. – Отдельно помоешься. Полотенце чистое выдам, если у тебя нет.
- Все равно не пойду, мне косметолог запрещает баню. Там слишком жарко, а у меня кожа чувствительная и склонна к покраснению. Это вредно, – машинально поясняю я.
- Что я могу сказать? – хмыкает он. – Верь косметологу и ходи грязной. Это, видимо, полезнее.
- Не собираюсь слушать комментарии от тех, чье лицо знакомо только с хозяйственным мылом, – отрезаю я. – И то, судя по всему, не каждый день.
- Вот еще будет этот мужлан мне про косметологию что-то втирать!
- Ужин приготовишь, пока я дровами буду заниматься? – спрашивает он, никак на мои слова не реагируя.
- Издеваешься?! На чем тут готовить? На костре?
- В печи. От плиты не сильно отличается.
- Я не умею готовить!
- Кто бы сомневался, – фыркает он. – Тогда на ужин будешь есть то, что ем я, принцесса. Или ходи голодная.
- Ха!
- Нашел, чем напугать!
- Знал бы он, сколько раз я сидела на жестких диетах, чтобы держать себя в форме.
- Это моей сестре повезло – она от природы стройная, у нее никогда ничего лишнего не нарастало, а мое тело, если за ним не следить, мгновенно набирает килограммы.
- Поэтому за вкусный капучино и миндальное пирожное я обычно расплачивалась отсутствием ужина. Да, это было неприятно и иногда приводило к болям в желудке, но красота, как бы это банально ни звучало, требует жертв.
- Хочешь хорошо выглядеть – умей терпеть.
- Кстати, о красоте.
- Где я могу умыться лицо? – светским тоном спрашиваю я.
- Где угодно, – бросает он.
- А воду где можно найти?
- Воду нужно из колодца принести. Я этим планировал потом заняться.
- Но мне надо сейчас!
- Тогда ручей в твоём распоряжении.

– Ручей?!

О боги.

Я реально в какой-то параллельной вселенной нахожусь.

Или просто этот неандерталец шутит.

Внимательно вглядываюсь в его суровое бородатое лицо и понимаю: нет. Он вполне серьезен.

– Ладно, – сдаюсь я. – И далеко отсюда этот твой ручей?

– Метров двести. За домом.

Окееей....

Я открываю чемодан, достаю оттуда свою косметичку с миниатюрами средств, которые обычно использую для ухода, специальное японское полотенце для лица и выхожу из дома.

– Вон там калитка, – мужик показывает рукой на забор. – Выходишь и идешь прямо. Потеряешься – кричи.

– И что тогда будет? Придешь меня искать?

– Еще не решил.

Вот скотина!

Спотыкаясь на каблуках, я дохожу до забора, нахожу задвижку у калитки и выхожу в лес.

Удачно, что это чудовище, которое он называет собакой, осталось с другой стороны дома, так что я почти бесстрашно иду вперед, тем более что оттуда отчетливо слышен шум воды.

Надо же.

И правда ручей.

В целом, если абстрагироваться от всей этой ужасной ситуации, здесь даже красиво. Солнце светит сквозь густые кроны, бросая блики на чистую, как будто хрустальную поверхность ручья.

На секунду я жалею, что у меня нет телефона и я не могу сделать фото, чтобы выложить его в соцсети. С другой стороны, вряд ли фотография передала бы, какой приятный здесь аромат: от воды пахнет чем-то свежим, а от деревьев идет густой смолистый запах.

Прозрачный ручей быстро бежит по каменистому дну, ветки успокаивающе шелестят, и это все немного похоже на те звуки природы, которые я иногда включала себе перед сном.

Только аутентичнее.

Я осторожно сажусь на берег, перед этим подозрительно оглядывая землю, чтобы там не было каких-нибудь насекомых, и какое-то время ничего не делаю: просто смотрю на воду и слушаю лес.

В какой момент моя жизнь свернула не туда? Я ведь всегда делала то, что от меня требовали родители, даже если не хотела. Разве за это не положена награда?

Но в итоге я сижу в глуши с каким-то лесником, а Нюта, которая всегда клала на мнение мамы с папой и не сделала для семьи ничего полезного, гуляет по Лондону. С этим козлом Яром.

Где справедливость?!

Я со вздохом ставлю косметичку на землю, искренне надеясь, что туда не заползет никакой муравей или паук, достаю гидрофильное масло и начинаю свой семиступенчатый уход за лицом.

Снимаю с кожи косметику, а потом достаю пенку.

И вот тут уже без воды не обойтись.

Я пытаюсь как-то пристроиться над ручьем, но зачерпнуть воду получается, только если встать на колени и сильно наклониться вниз. Погружаю ладони в воду, едва не взвизгнув от того, какая она ледяная, умываюсь, зажмурившись, и едва не падаю в ручей!

Неловко машу руками, пытаюсь сохранить равновесие, слышу глухой всплеск и тут же открываю глаза. Сначала не понимаю, что это было, а потом вижу: моя красная косметичка в ручье!

Кажется, я ее случайно задела рукой и смахнула вниз.

– Стой! – зачем-то кричу я. – Стой, блин!

Пытаюсь наклониться и поймать косметичку, но чертово течение уже унесло ее в сторону. И уносит все дальше и дальше!

Твою мать!

Я сначала беспомощно смотрю на то, как уплывают мои драгоценные баночки и бутылочки, а потом, опомнившись, бегу вдоль ручья.

Безуспешно пытаюсь подцепить косметичку с берега, но она, покачиваясь на воде, уплывает от меня. Блин, а там дальше вообще по курсу заросли деревьев, я через них просто не пролезу.

Надо что-то делать, причем быстро!

Ладно, отчаянные времена требуют отчаянных мер.

Я решительно скидываю с ног туфли и лезу прямо в воду.

Ах ты ж черт, какая она ледяная! Мне сразу стопы сводит. И промокшие до колен брюки холодят ноги. Ладно, их я просто потом переодену. Запасная одежда у меня есть, в отличие от косметички.

А красная сумочка как раз цепляется за какую-то ветку и на время застывает на месте.

Мой шанс!

Я делаю рывок вперед, но врезаюсь ногой в камень на дне, и большой палец на правой стопе пронзает ужасной болью. Издаю жалобный то ли всхлип, то ли крик, не удерживаю равновесие и плюхаюсь в воду.

От поднявшейся волны косметичка благополучно преодолевает препятствие в виде ветки и устремляется дальше, а я сижу в ледяной воде, с ногой, которая аж пульсирует от боли, и реву.

Ненавижу природу. Просто ненавижу!

Я хочу домой!

Вот только где у меня теперь дом? У родителей, куда меня завтра отвезет этот неандерталец? Даже не хочу думать, что меня там ждет после побега.

Но здесь ведь еще хуже...

Шипя от боли и стараясь не опираться на ушибленную ногу, я с трудом выбираюсь на берег. Стучу зубами, беру валяющиеся на земле туфли и обуваю только одну из них. Вторая нога просто не влезает, потому что палец опух. Крови нет, но болит ужасно.

Ковыляю, стараясь почти не опираться на правую ногу, но получается плохо. Земля тут отвратительная: вся усыпана сухими иголками, кусочками коры и еще какой-то фигней. А когда я наступаю на шишку, то вскрик сдержать уже не удастся. У меня просто звездочки вспыхивают перед глазами от боли, и я без сил падаю на землю.

Сама я не дойду, это ясно. Разве что ползти.

Значит, надо звать этого... Этого... Блин, как его?

Я с ужасом понимаю, что забыла имя своего мужа.

Ну не кричать же «Эй, неандерталец!», правда?

От абсурдности ситуации хочется и плакать, и смеяться одновременно. Кажется, у меня истерика.

– Эй! – набрав воздуха в грудь, кричу я. По лесу прокатывается эхо. – Эй!!!

Тишина.

– Эй! – еще громче ору я.

А вдруг он ушел? Уехал? Бросил меня тут умирать?

Но следующая мысль заставляет меня просто заledenеть от страха: а вдруг мой крик сейчас услышит эта ужасная собака и примчится сюда?!

Мамочки...

Но тут раздается звук шагов, и от облегчения опять хочется разреваться.

Из-за деревьев показывается рослая фигура моего мужа, на котором почему-то только одни штаны. Выше пояса он абсолютно, вызывающе обнажен, и, о черт, такой широкой рельефной груди я не видела очень давно.

Примерно никогда.

Даже у фитнес-тренера в зале на Рублевке, на которого ходили поглазеть почти все мои подруги, рисунок мышц был гораздо скромнее. И волос на груди у него не было.

А у этого есть...

И волосы, и мышцы, и татуировки. Полный комплект.

Непроизвольно сглатываю, потому что это буйство тестостерона, конечно, озадачивает. Не люблю таких маскулильных мужчин, мне всегда был важнее интеллект и социальный статус, но взгляд все равно непроизвольно скользит по широкой груди моего мужа. По рельефным плечам, по плоскому животу, по уходящей за пояс штанов дорожке темных волос...

– Что опять, принцесса? – устало спрашивает он, остановившись в паре шагов от меня. – Испугалась зайца или расстроена отсутствием горячей воды? Прости, нагревателя в ручье пока не имеется, обходись тем, что есть.

– Я не могу идти вообще-то, – цежу я.

Меня задевает его ирония. Он серьезно уверен, что я настолько беспомощная и капризная?

– Не можешь идти? – саркастично интересуется он. – Интересно. А почему? Ждешь карету?

– Да пошел ты! – вспыхиваю я.

В который уже раз за сегодня я теряю привычный контроль?

От злости появляются силы, я отталкиваюсь ладонями от земли и встаю. Делаю два решительных шага (вернее, пытаюсь), но каблук увязает в земле.

– Что с ногой, принцесса? – совсем другим тоном спрашивает он и сдвигает брови. – И почему у тебя одежда мокрая? В ручей упала?

– Не упала, а специально залезла! – огрызаюсь я, но не отталкиваю руку, которой он меня подхватывает, помогая держать равновесие.

– Купаться в одежде – еще одна рекомендация твоего косметолога?

– Вообще-то у меня туда косметичка упала, – мрачно говорю я. – Я хотела ее достать и ударилась ногой об камень. Все. Конец истории. Можешь смеяться. Шутки про то, что я теперь буду мыться хозяйственным мылом, тоже можешь сюда шутить.

Но он не смеется, а опускается на корточки, обхватывает горячими пальцами мою стопу и внимательно рассматривает.

– На перелом не похоже, скорее ушиб. Наступать на нее можешь?

– Если бы могла, я бы тебя не звала.

– Ты меня и не звала вообще-то, – замечает он. – Ты кричала «Эй».

– И кому я, по-твоему, могла это кричать?

– Кому угодно. В следующий раз, принцесса, если решишь звать именно меня, используй мое имя. Так будет надежнее.

С этими словами он подхватывает меня на руки, и вопрос про то, как собственно его зовут, вылетает у меня из головы. Потому что меня прижимают к голой, горячей, терпко пахнущей мужской груди, и это неловко. Как минимум.

– Ты не мог бы одеться перед тем, как хватать меня на руки? – выпаливаю я.

– В смокинг? – иронично уточняет он, зашагав к дому. – Подожди, схожу поищу. Может, завалялся в сарае.

Я закатываю глаза, но ничего не говорю. А то еще бросит меня в лесу, кто его знает.

Собака встречает нас осуждающим лаем, но на этот раз я не боюсь. Я на руках ее хозяина, что она мне сделает?

Он сгружает меня в доме, около чемодана, и коротко сообщает:

– Переодевайся. Я выйду. Потом тебе ногу намажем.

– Чем? – ехидно спрашиваю я. – Мазью из трав? Медвежьим жиром?

– Вообще-то я планировал диклофенаком, – с каменной мордой говорит он. – Но если ты настаиваешь...

– Диклофенак подойдет, – поспешно перебиваю я.

Он коротко ухмыляется и выходит во двор, хлопнув дверью.

Я открываю чемодан и быстро перебираю свои вещи. Юбки, платья, купальники, шелковые брюки... О, шорты! Правда, белые, но какой у меня выбор? Надеваю их вместе с алым топом, накидываю вязаный кардиган и осторожно делаю пару шагов. В целом по ровному полу, где нет иголок, кочек и мерзких шишек, идти вполне можно.

Аккуратно открываю дверь так, что она даже не скрипит, бесшумно выхожу на крыльцо и останавливаюсь, оглядывая двор.

Пес Джек что-то зарывает в углу – возможно, останки моего почившего ремня Гуччи, а вот мой муж... Мой муж колет дрова, стоя ко мне спиной. Все еще голый до пояса.

И черт возьми, он, конечно, меня бесит и все такое, но на это зрелище можно смело продавать билеты.

Глава 7.

Я, затаив дыхание, смотрю, как сильные мышцы красиво перекатываются под кожей, а на руках вздуваются бицепсы каждый раз, когда он поднимает над головой топор.

Примитивно, да.

Но завораживает.

Я бы еще смотрела и смотрела, но вдруг чертова собака поднимает свою лобастую голову и рычит в мою сторону. Боится, что я ремень обратно заберу?

Мой муж сразу же оборачивается и на мгновение замирает, увидев меня. Потом его брови угрожающе сдвигаются.

– Нормальной одежды у тебя не было? – спрашивает он грубо.

– А с этой что не так? – искренне не понимаю я. – Это единственные шорты, которые у меня с собой есть. В чем проблема?

– В их длине.

Я тут же перевожу взгляд на свои ноги. Ну да, толстоваты.

Наверное, с моей стороны было слишком оптимистично покупать такие короткие шорты, не похудев еще на парочку килограмм как минимум.

Но это не его дело! Будет он мне еще замечания делать!

Я и без него все прекрасно знаю про свою фигуру.

– Не нравится – не смотри, – с вызовом говорю я.

Учитывая, что я еще и без макияжа, смотреть тут и правда не на что.

– Принцесса, я могу хоть глаза закрыть, мне в целом пофиг, – бросает он, снова отвернувшись к своим дровам. – Но комары тебя от этого меньше жрать не перестанут. Ты в этих шортах считай что шведский стол для них. Потом же сама будешь чесаться и жаловаться.

Джек гулко рявкает, как будто подтверждая этим слова хозяина.

– Эта ваша природа мне все меньше и меньше нравится, – бурчу я, запахивая кардиган. – Поняла, буду в доме сидеть.

– Надо же, – скалится он. – Неужели ты умеешь быть послушной девочкой?

Я показываю ему средний палец и хлопаю дверью максимально громко, как могу.

В доме делать нечего.

Я закрываю чемодан и ставлю его в коридоре, потом, поразмыслив, вешаю на него промокшие в ручье брюки и блузку, а мокрое белье безжалостно выбрасываю в стоящее на кухне мусорное ведро. Я не настолько опустилась, чтобы в чужом доме свои трусы развешивать.

На этом дела заканчиваются.

Можно было бы выпить кофе, но я понятия не имею, как его делать без кофемашины и вообще без электричества.

Можно было бы подняться на второй этаж и посмотреть, что там, но за окнами уже темнеет, и мне банально страшно одной подниматься по неосвещенной лестнице.

Поэтому я просто сижу на табуретке и смотрю в окно, выходящее куда-то на лес, пока в дом не заходит мой муж.

– Я в баню пошел, – сообщает он, скользнув по мне взглядом.

– Очень рада за тебя, – ядовито отзываюсь я.

– Точно не хочешь? – помедлив, спрашивает он. – Там пока не так жарко.

– Обойдусь, у меня есть пачка влажных салфеток.

– Как знаешь.

Перед уходом муж вручает мне фонарик, и это, пожалуй, лучший его поступок за сегодня. Луч света в руке успокаивает, и даже то, что какие-то кровососущие твари все же цапнули меня за нежные места под коленками, не портит настроения.

Когда из бани возвращается муж, распаренный, красный и излучающий жар, как печка, он сразу же зажигает свечи. На кухне становится уютно, я устраиваюсь на табуретке, обхватив руками колени, и лениво смотрю на дрожащие огоньки и на тени, которые они отбрасывают на бревенчатые стены.

Когда я последний раз видела живой огонь? Дома у нас тоже всегда стояли на столе свечи, но исключительно электрические. Родители тщательно следили за пожарной безопасностью.

– Не боишься, что дом сгорит? – спрашиваю я. – Огонь – это вообще-то опасно.

– А уезжать с незнакомым мужиком непонятно куда – не опасно? – хмыкает он.

Я пожимаю плечами.

Язвить и огрызаться в ответ не хочется. Хочется вот так сидеть, бессмысленно пялиться на желто-оранжевое пламя и ни о чем не думать.

Так я и делаю.

Он в это время подходит к печке, возится с щепками и что-то там делает, бренча посудой, а потом ставит передо мной на стол кружку горячего кофе.

– Спасибо, – вырывается у меня.

Я сначала жадно принимаюсь к острому бодрящему запаху, а потом делаю большой глоток. Кофе обжигает небо, но это все равно кайф. Я даже мычу от удовольствия.

После кофе на столе появляется нарезанный крупными ломтями хлеб, брусок желтого масла и какая-то странная колбаса. Судя по всему, самодельная.

– Будешь бутерброд?

Я быстро оцениваю калорийность этого ужина. Масло сразу нет, это сплошной жир, а в колбасе явно видны куски сала – значит, тоже мимо. К тому же неизвестно, из чего или кого она сделана.

– Спасибо. Можно мне только кусочек хлеба, пожалуйста.

– А остальное?!

– Не хочу. Я такое не ем.

Он обжигает меня слегка презрительным взглядом.

– Дело твое, принцесса.

В полной тишине мы ужинаем. Он отрезает ножом толстые куски остро пахнувшей мясом и пряностями колбасы, укладывает их на такие же толстые куски масла, а я пью кофе с хлебом, который на вкус почему-то напоминает пирожное. У него нежный мякиш, вкусная хрустящая корочка, и я с трудом удерживаюсь, чтобы не взять третий кусок, потому что первые два исчезают незаметно.

Зубы я чищу на улице (хорошо, что щетка и паста были в отдельном футляре!) при свете фонарика у какого-то странного умывальника. Туда сначала надо налить воду из ведра, а потом нажимать снизу на металлическую фигну, чтобы она лилась.

– Какое извращение, – бормочу я, отплевываясь зубной пастой. – Как так можно жить?

– Завтра домой уедешь.

– Уеду.

– Ну и все. Значит, не ной.

Собака не спит, следит за мной блестящими в темноте глазами, и от страха меня слегка потряхивает. Какое это жуткое животное все-таки.

А мне ведь еще надо кое-что сделать перед сном...

Приходится в очередной раз заткнуть рот своей гордости и попросить своего мужа проводить меня за забор. К растущим там кустам.

– Стой здесь и не смотри! Отвернись вообще! И два шага сделай вперед.

– Я могу совсем уйти.

– Только попробуй!

Когда возвращаемся в дом, он поднимается на второй этаж и показывает мне комнату, где я буду спать. В полумраке она выглядит вполне прилично: широкая кровать, тумбочка, шкаф во всю стену.

– Ты ляжешь тут, принцесса, а я на первом этаже в мастерской. На диване.

– Почему? – удивляюсь я.

– Потому что свою спальню я отдаю тебе, – цедит он.

– Э... спасибо? – неуверенно предполагаю я.

Он ничего не отвечает, уходит, а потом возвращается с тюбиком крема.

– Ногу давай.

– Я сама могу.

– Ногу. Давай.

Наверное, не стоит спорить с большим мужиком, который уступил мне свою спальню. Мало ли, вдруг потребует ее обратно. Или предложит лечь вместе.

Я вдруг понимаю, что эта перспектива пугает меня меньше, чем должна была, и это смущает.

Поэтому торопливо усаживаюсь на край кровати и протягиваю ему ногу.

Он присаживается на корточки, осторожно берет мою ступню в свои ладони и так тщательно рассматривает, что мне становится неловко. А потом выдавливает мазь из тюбика, и я охаю от неожиданности.

– Ого, какая она ледяная!

– Из холодильника потому что, – замечает он.

Меня царапает каким-то несоответствием, но я не успеваю об этом подумать, потому что он неожиданно бережными движениями растирает прохладную мазь по моей коже.

От этих прикосновений по телу бегут мурашки, и я закусываю губу. Никогда не думала, что у меня такие чувствительные ноги. Боже, это приятно...

И неловко.

Но приятно все же больше, чем неловко.

Я, не удержавшись, издаю какой-то тихий мурлычущий звук, и прикосновения сразу же исчезают.

Он резко встаёт и, бросив «Спокойной ночи», исчезает за дверью.

Я растерянно смотрю ему вслед.

– Ну спокойной ночи, так спокойной ночи, – бормочу я и разглядываю кровать, направив на нее фонарик.

Непохоже, что здесь к моему приезду поменяли постельное белье, а значит, этот неандерталец спал тут. На этой примятой подушке. И укрывался вот этим гигантским одеялом.

Мне должно быть противно, я вообще довольно брезгливый человек. Но почему-то сейчас этого чувства не возникает. Может, просто слишком устала?

Я выключаю фонарик, снимаю шорты и кардиган и в одном топики и белье ныряю под одеяло. Устраиваюсь на мягкой подушке, которая пахнет терпко, но приятно. Как гель для душа. Или хороший мужской парфюм.

«Завтра я отсюда уеду», – успеваю подумать я, прежде чем отрубаясь намертво.

Когда открываю глаза, вокруг темно. Абсолютная глухая непроглядная темнота. Сначала я вообще не понимаю, где я и что происходит, но потом сознание немного пробуждается, и я вспоминаю все, что вчера было.

Черт, сколько сейчас времени? Ночь еще что ли? Как же плохо без телефона.

Надо дальше спать.

Я зарываюсь лицом в подушку, но снова уснуть не получается. Вокруг так тихо, что я четко различаю странный звук, как будто кто-то скребется. Или как будто хрустят чипсами. Справа. Где-то в стене.

– Блин, кто там? – бормочу я и шарю рукой вокруг себя в поисках фонарика.
Его нет.

Наверное, упал куда-то ночью.

Или его украли.

– Кто там? – дрожащим голосом спрашиваю я.

Хруст на время прекращается, но не успеваю я облегченно выдохнуть, как он начинается снова. Только теперь к нему присоединяется жутковатый свист за окнами. Это же ветер, правда?

Просто ветер.

А в стене, наверное, просто шуршит мышь.

О господи, мышь! А если она на меня прыгнет?

По спине проходит ледяная дрожь, я испуганно вглядываюсь в темноту, чувствуя, как изнутри медленно, но неумолимо поднимается паника.

Шорох в стене, завывание за окном, а теперь еще как будто на улице кто-то стучит.

А если это воры?

– Эй! – жалобно зову я. – Эй, ты! Ты где вообще? Муж!

Но я, наверное, слишком тихо его зову, а громко звать страшно.

За стеной раздается особенно громкий щелчок, и я от страха буквально подпрыгиваю на кровати.

– Так, блядь, – выдыхаю я. – Надо валить.

Фонарика я так и не нахожу и буквально наощупь, трогая руками стену и обмирая от страха, иду к двери. В коридоре немного светлее, я даже различаю очертания лестницы.

Где он там сказал спать будет? Внизу?

– Эй! – снова шепотом зову я.

Тишина.

– Ладно, – говорю я себе. – Давай, Леля, ты сможешь спуститься по этой лестнице и не сломать себе шею. Главное, идти медленно. И держаться за перила. Давай. Одна ступенька, вторая...

Только спустившись вниз, я вдруг понимаю, что выскочила из спальни босиком – ногам холодно стоять на полу. Пофиг, обратно я все равно не пойду.

Где там этот неандерталец спит?

Надо разбудить его, пусть прогонит мышь у меня из спальни.

Я нашариваю первую дверь около лестницы, толкаю ее, она скрипит так, что у меня все внутри замирает от ужаса, но сразу после этого я различаю ровное сильное дыхание. А потом вижу узкий диван, который полностью занимает огромная мужская фигура.

Меня накрывает диким, совершенно первобытным облегчением.

Боже, не думала, что могу так обрадоваться другому человеку!

Я всегда любила одиночество, но быть одной в своей комнате или в кофейне в центре города – это совсем не то же самое, что торчать одной в пустом доме. Ночью! В лесу!

– Эй, ты, – громким шепотом прошу я. – Просыпайся! Я боюсь!

Ноль реакции.

Подхожу ближе и осторожно трогаю его за что-то. Кажется, за плечо.

– Просыпайся! Вставай.

– Маш, отвали, – хрипло и сонно бормочет мужик. – Я сплю.

– Я не Маша! – оскорбляюсь я до глубины души.

Но меня, кажется, уже не слышат.

– Эй!

В ответ снова раздается размеренное дыхание.

Да блин...

Я обнимаю себя, пытаюсь согреться.

Холодно. И ногам холодно, и по голым рукам уже мурашки.

И что вот мне делать? Идти обратно в спальню, где что-то скрипит, шуршит и воет за окном?

Да ни за что.

Лучше посижу тут, около него, пока не рассветет, а потом тихонько уйду обратно. Здесь как-то спокойнее.

Я мстительно тяну на себя край одеяла, которым укрыт неандерталец, и оно, на удивление, легко поддается. Укутываюсь, опускаюсь на пол около дивана, где посапывает этот медведь, и устало прикрываю глаза.

Чужое дыхание успокаивает. Как и ровное тепло от чужого тела, к которому я прислоняюсь. Зачем ему одеяло? Он и так горячий.

А я тут посижу. Спать не буду, просто...

Просто вокруг уже светло.

Я изумленно моргаю, обнаружив себя лежащей на диване. Одеяло на мне, рядом никого, в мастерской пусто, из окон льется дневной свет. Я что, все-таки уснула?

Мне аж жарко становится при мысли о том, что этот неандерталец обнаружил меня утром возле своей кровати.

Что он подумал?

Надо срочно найти его и объяснить, что мне на него плевать! И что у него там наверху мыши! Это единственная причина, по которой я сюда пришла!

Я откидываю одеяло и... Черт! На мне только топ и кружевные трусы. Я в таком виде сюда к нему приперлась?!

Закрываю лицо руками и издаю тихий, полный отчаяния стон.

За стеной вдруг начинает что-то шуметь. Похоже как будто вода закипает. В Милане мы жили в одном люксе вместе с Соней, и она все время с утра включала чайник, чтобы заварить себе какую-то траву для похудения.

Шум достигает своего предела, потом раздается знакомый щелчок – ну да, точно чайник отключился.

Стоп.

СТОП!

Чайник?! Электрический? В доме, где нет никаких благ цивилизации?

Ах он скотина...

Глава 8.

Я хватаю одеяло, обмотав его вокруг себя типа юбки, и, едва не споткнувшись на пороге, выбегаю в коридор. Ещё два шага – и я уже стою на кухне, где мой муж – сволочь, лицемер и обманщик! – наливает себе в кружку кипяток. Из вполне себе современного чайника, от которого отходит белый провод, воткнутый в розетку.

– А что, самовар сломался? – ядовито выплёвываю я.

Он оборачивается, и на его лице на мгновение мелькает досада.

– Проснулась уже...

– Представь себе! И на чём же работает твой чайник, стесняюсь спросить? Ты мне говорил, что здесь нет электричества! Ты мне врал! Ты...

– Тихо, – властно перебивает меня он. – Во-первых, ты сама сказала, что тут нет электричества. А теперь посмотри внимательно на эту розетку. Она вчера здесь тоже была.

– В смысле была?

– Ты думаешь, я специально перед твоим приездом все розетки из стен вытащил? – саркастично интересуется он. – Я тебе больше скажу. Посмотри внимательнее: тут и выключатели на всех стенах есть. Не говоря уже о том, что над крыльцом, вообще-то, лампа висит. А если обойти дом, то за ним стоит генератор.

– Да? Я не заметила, – на мгновение теряюсь я. Но потом подхватываю падающее с бедер одеяло и снова повышаю голос: – Но ты мог мне сказать! Что нет, Лёлочка, ты не права! Здесь есть электричество, не переживай!

– Ты бы видела своё лицо, когда ты вчера сюда приехала, – хмыкает он. – Как будто тебя реально в свинарник привезли. Я просто решил тебя не разубеждать, вот и все.

– Сволочь, – припечатываю его я. Потом замечаю, что у него влажные волосы, как после душа, и меня накрывает новая волна подозрений.

Если тут есть электричество, почему бы не быть воде?

– А я смотрю, ты с утра уже в ручье успел искупаться? – сладким голосом интересуюсь я.

– В ручье мелко, – ухмыляется он. – В колодец нырнул.

Но я больше не верю этим сказочкам.

– Так, с меня хватит! – Я топаю ногой. – Быстро говори: где здесь душ?

– Какой ещё душ? Ты же в лесу, принцесса.

– Тогда я сейчас пройду по всему дому и открою каждую дверь! – ору я. – Даже закрытую. Просто выломаю ее к чертям и все! Ты меня понял?!

Он поворачивается и смеряет меня насмешливым взглядом, как будто моя злость его не удивляет и не пугает, а скорее забавляет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.